

Т. Г. Паникаровская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОВОРА ДЕРЕВНИ ПАРФЕНКИ ИСТРИНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(По следам Н. Н. Дурново)

В настоящей статье рассматривается система глагольных форм одного из восточных среднерусских говоров, а именно говора деревни Парфенки Истринского района Московской области (бывшего Рузского уезда Московской губернии). Статья является продолжением наших статей, посвященных изучению говора деревни Парфенки в современном его состоянии¹.

Система глагольных форм изучаемого говора характеризуется значительным сходством с соответствующей системой русского литературного языка. Однако в то же время эта система имеет и специфически диалектные особенности, о которых речь пойдет ниже.

Не ставя перед собой задачи описать классы глаголов в изучаемом говоре, отметим некоторые диалектные особенности в соотношении основы прошедшего времени, с одной стороны, и основы настоящего времени, с другой.

К первому продуктивному классу принадлежат в говоре глаголы: *капать, клеветать, махать, мурлыкать, метать, полоскать, щипать*. Основа прошедшего времени этих глаголов оканчивается на гласный А, основа настоящего времени отличается от основы прошедшего времени наличием *j* после А. Примеры: *скрыш капъйѣт, настолтъ капъйѣш; фс'о вр'эм'ъ кл'евитайут; махайу йаму, платком махайѣт; кобшкѣ мурлыкайѣт; митайиш с'энъ; пѣласкайит бил'йб; ш'шипайу лучину, многѣ ш'шипайѣт*.

В литературном языке эти глаголы имеют, наряду с образованиями по первому продуктивному классу, парал-

лельные непродуктивные образования, причем формы, образующиеся по первому продуктивному классу (подкласс А), выступают преимущественно в разговорной речи или в просторечии, в то время как формы, образованные по первой непродуктивной группе, обычно сохраняются в книжном употреблении и обладают более отвлеченным значением². Для литературного языка, — замечает С. П. Обнорский, — характерен «рост форм на -АЮ за счет параллельных им вариантов»³. Формы на -АЮ, по свидетельству С. П. Обнорского, более характерны для южнорусских говоров; напротив их варианты — для севернорусского наречия и переходной полосы говоров⁴. В «Русской диалектологии» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой⁵ приводится примерный перечень глаголов, которые в разных говорах могут характеризоваться разным соотношением основ прошедшего и настоящего времени, т. е. иметь разную «разрядную принадлежность», а именно глаголов, которые в одних говорах характеризуются соотношением основ: конечный элемент основы прошедшего времени -А, конечный элемент основы настоящего времени — нулевой глагольный суффикс (дополнительным средством противопоставления основ прошедшего и настоящего времени для ряда этих глаголов является чередование согласных, предшествующих элементам «разрядной характеристики»); в других говорах: конечный элемент основы прошедшего времени -А, основы настоящего времени -АЙ, и указывается, что соотношение основ -А-АЙ для этих глаголов присуще преимущественно говорам южнорусского наречия.

К первому продуктивному классу принадлежат в говоре также глаголы: *лázать, похудáть* (соотношение основ прошедшего и настоящего времени А-АЙ). Параллельно с инфинитивом *лázать* в говоре отмечен инфинитив *лázить* (соотношение основ прошедшего и настоящего времени И-ИЙ: *лázийу, лázийиш, лázийит, лázийьм* и т. д.

Таким же соотношением основ характеризуются в говоре глаголы *éздить, мýчить*⁶, принадлежащие в литературном языке к четвертому продуктивному классу (в *Масквú и́зз'дийу; што кнам ний́зз'дийиш?; вгбс'ти й́зз'дийьт; вл'эс й́зз'дийиш; вир'хбм пэгувнú й́зз'дийут; зач'эм катá мýч'ийиш?; он мат' мýчийьт; сиб'á нимúчийиш*), глагол *елбзить* (*што йилбзийиш?; йилбзийьт йилбзийьт сидú*), приводимый в словарях современного русского литературного

языка с пометой «просторечное» и «областное»⁷, а также употребляемые обычно в безличной форме глаголы *сáднить* (*сáднийит руку*), *полéгчить*⁸ (*нимно́гъ пал'эхчийьт*). Соотношение основ *И-ИЙ* наблюдалось у глаголов: *лáзить*, *éздить*, *мúчить*, *елóзить*, *сáднить*, *полéгчить*, по данным Н. Н. Дурново⁹, и в прошлом. Однако чаще всего *ј* после *И* в основе настоящего времени наблюдался, по свидетельству Н. Н. Дурново¹⁰, в форме первого лица единственного числа, в то время как в остальных личных формах настоящего времени *ј* обычно отсутствовал, т. е. наблюдалось следующее соотношение основ: основа прошедшего времени на *-И*, основа настоящего времени — на мягкий согласный. Приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что сейчас йотованная основа настоящего времени наблюдается у упомянутых глаголов не только в форме первого лица единственного числа, но и в остальных личных формах; основа настоящего времени на мягкий согласный в форме первого лица единственного числа нами не зафиксирована, остальные личные формы настоящего времени с основой на мягкий согласный (*лáзиш*, *лáзит*, *й'эз'диш*, *й'эз'дит* и т. д.) в говоре редки, т. е. в процессе развития, по-видимому, произошла унификация йотованной основы настоящего времени во всех личных формах.

Глаголы *девáть*, *задевáть*, *одевáть*, *надевáть*, *раздевáть*, *одолевáть*, *поспевáть*, *разевáть*, принадлежащие в литературном языке к первому продуктивному классу, относятся в изучаемом говоре к непродуктивной группе, характеризующься иным, чем в литературном языке, соотношением глагольных основ. Как и в конце XIX — начале XX века¹¹, эти глаголы образуют формы настоящего времени по образцу глаголов типа *давать*, т. е. глаголов с суффиксом *-ВА* в основе прошедшего времени, который выпадает в основе настоящего времени: основа настоящего времени оканчивается на *ј*. Примеры: *кудá фс'о дийьш*; *дийьт кудáтъ кнйьшку*; *нъдийь пал'тó*; *бúсы нъдийьм*; *адийьт плат'йь*; *зач'эм зъдийьш Вóфку*; *н'эзъдийь йавó*; *сон адалийьт*; *хл'эп нъспийьт*; *чивó рот ръзийьш?*

В системе спряжения настоящего — будущего простого времени глаголов в говоре наблюдаются, в основном, те же личные окончания, что и в литературном языке.

В глаголах первого спряжения наблюдаются следующие окончания: *У*, *ОШ* (*ИШ*, *ЬШ*), *ОТ* (*ИТ*, *ЬТ*), *ОМ* (*ИМ*, *ЬМ*),

ОТЪ (ИТЪ, БТЪ), УТ. Например: *нису́, нис'ош, нис'от, нис'ом, нис'отъ, нисут; бал'эйу, бал'эйиш, бал'эйит, бал'эйим, бал'эйитъ, бал'эйут; вѣбиру, вѣбир'ыш, вѣбир'ят, вѣбир'ем, вѣбир'ятъ, вѣбирут.*

У глаголов второго спряжения наблюдаются ударяемые окончания: **У, ИШ, ИТ, ИМ, ИТЪ, АТ.** Например: *сижу́, сиди́ш, сиди́т, сиди́м, сиди́тъ, сид'ат.*

У глаголов второго спряжения, имеющих во всех лицах, кроме первого лица единственного числа, ударение на основе, наблюдаются окончания: **У, ИШ, ИТ, ИМ, ИТЪ, УТ.** Например: *прихажу́, приходи́ш, приходи́т, приходи́м, приходи́тъ, приходи́ут; вар'у́, ва́риш, ва́рит, ва́рим, ва́ритъ, ва́рут.*

Таким образом, в третьем лице множественного числа настоящего — будущего простого времени глаголов второго спряжения с ударением на основе наблюдается окончание УТ, т. е. окончание глаголов первого спряжения. Примеры: *вывѣд'ут, придѣ'ут, пасѣд'ут* и т. п. Эта особенность характеризовала изучаемый говор и в прошлом ¹².

Личные окончания третьего лица единственного и множественного числа настоящего и будущего простого времен всегда имеют твердый звук *т*. Например: *б'йѣт, придѣ'т, вздохнѣ'т, садит, закис'нит; дай'ут, ид'ут, сажн'ут, ба'рут, трис'ут; прид'ут, з'абнут; сиди́т, гарит; утвир'д'ат, вил'ат, стуч'ат и под.*

В личных формах настоящего времени глаголов первого спряжения с основой на твердый согласный наблюдается, как и в литературном языке, чередование твердого согласного звука основы с парным ему мягким согласным. Например: *приду́ ср. придѣ'т, прид'ут ср. придѣ'т.*

В глаголах первого спряжения с основой настоящего времени на задненебные согласные *г, к* эти согласные наблюдаются в первом лице единственного и третьем лице множественного числа; во втором и третьем лице единственного числа, а также в первом и втором лице множественного числа они, как правило, чередуются с шипящими. Примеры: *п'ак'у, н'зпич'ѣт, испич'ѣм, н'зпичѣ'тъ.* Однако чередование задненебных *г, к* в личных формах настоящего — будущего простого времени глаголов с основой настоящего времени на задненебный согласный не выдерживается в говоре последовательно. В этих формах отмечено также чередование твердых задненебных *г, к* с соответствующими

им мягкими *г, к*. Примеры: *сл'агиш, сажг'ош, нзпик'ош, тик'от, б'ъриг'ош*.

По данным Н. Н. Дурново¹³, чередование заднеязычных согласных с шипящими в личных формах настоящего времени проводилось более строго. «...В тех формах, где в общерусском имелась шипящая, — замечал Н. Н. Дурново, — последняя обыкновенно сохраняется, не поддаваясь аналогии форм с основой на заднеязычную: *мбжэм, бирижбм, стирижбм* и пр.»¹⁴. Однако Н. Н. Дурново упоминал¹⁵, что в глаголе *жгу*, а также в ряде глаголов с основой настоящего времени на *К* твердые заднеязычные могут чередоваться и с мягкими заднеязычными, причем *к, г* могут изменяться в *т' д'*. Нам не встретилось ни одного случая изменения мягких заднеязычных *к, г* в переднеязычные *т' д'* в личных формах настоящего времени глаголов с основой настоящего времени на заднеязычный согласный.

В говорах Московской области отмечены, по данным карты Р. И. Аванесова¹⁶, разнообразные чередования согласных в личных формах настоящего—будущего простого времени глаголов с основой настоящего времени на заднеязычный согласный: в западной и юго-западной части наблюдаются формы типа: *пеку—пекёшь*, в северо-западной—формы типа *пеку—печёшь*, в северной части — как формы типа *пеку—пекёшь*, так и формы типа *пеку—печёшь*, в северо-восточной части — формы типа *пекош*, в восточной части преобладают формы типа: *пеку—пекёшь*, в юго-восточной части—как формы типа: *пеку—пекёшь*, так и формы типа *пеку—пекош*.

Под влиянием личных форм настоящего—будущего простого времени с шипящим согласным в основе в первом лице единственного числа и третьем лице множественного числа глагола *лечь*, как и в прошлом¹⁷, параллельно с формами *л'агу—л'агут* наблюдаются формы: *л'ажу—л'ажут*, а также повелительное наклонение *л'аш—л'ашт'ь*. Кроме этих форм, в конце XIX века, по свидетельству Н. Н. Дурново¹⁸, изредка встречалась форма третьего лица множественного числа: *мбжут* при более употребительной форме *мбгут*. Говор в современном его состоянии знает, по нашим наблюдениям, лишь форму «*мбгут*».

В личных формах глаголов второго спряжения с основой настоящего времени на переднеязычные *с, з, т, д* наблюдается чередование шипящих *ш, ж, ч*, представленных в

форме первого лица единственного числа настоящего — будущего простого времени с упомянутыми переднеязычными согласными в остальных личных формах единственного и во всех формах множественного числа. Примеры: *прашú* — *прóсиш*, *хажú* — *хóдиш* и т. п.

В обследованном говоре наблюдается также чередование мягких губных и губно-зубных согласных с сочетанием этих согласных с мягким *л'* в личных формах единственного и множественного числа настоящего — будущего простого времени, причем сочетание губного с мягким *л'* характерно для формы первого лица единственного числа, губной или губно-зубной характерен для остальных личных форм единственного и множественного числа. Примеры: *спл'у* — *спиш*, *купл'у* — *кúпит* и т. п.

По аналогии с этими глаголами чередование сочетания *пл'* с мягким *п'* наблюдается в личных формах единственного и множественного числа настоящего — будущего простого времени глаголов первого спряжения *сыпать*, *трепáть*, а также в образованных от них приставочных глаголах. Примеры: *сыпл'у*, *насыпиш*, *тр'эпл'у*, *атр'эпим* и под. Формы *сыплю*, *сыпиш*, *сыпит*, *трипл'юс*, *трéпсса*, *трéпюцца*, но *сыплът* были известны изучаемому говору и раньше¹⁹.

В личных формах настоящего — будущего простого времени глаголов широко распространено стяжение гласных звуков. Стяженные формы отмечены во всех лицах как единственного, так и множественного числа, за исключением второго лица множественного числа. «В основной массе среднерусских говоров, — замечает Т. С. Коготкова, — стяжение невозможно перед последующим мягким согласным, поэтому его и нет в форме второго лица множественного числа глагола, где после стягиваемого сочетания обязателен мягкий согласный»²⁰. Утрата интервокального йота зависит от места ударения в слове: ударение непременно падает от йота либо на первый гласный стягиваемого сочетания, либо на любой гласный слова, предшествующий стягиваемому сочетанию²¹. Утрата интервокального йота в глагольных формах наблюдается в нашем говоре в заударных сочетаниях *айэ*, *айу* на стыке морфем. Следствием утраты интервокального йота в говорах является, как известно, ассимиляция гласных, оказавшихся в соседстве после утраты йота, и стяжение двух одинаковых гласных в один. В изучаемом говоре этот процесс, однако, не является

живым; отмечен лишь его конечный результат, т. е. стяжение гласных без промежуточных ступеней. В среднерусских говорах, по наблюдениям Т. С. Коготковой²², стяжение, как правило, отмечено именно в виде конечного результата, «применительно к этим говорам не следует говорить о степени ассимиляции». Особенно часто стяженные формы наблюдаются в настоящее время, как и 50 с лишним лет назад²³, в глаголах с суффиксами *-ыва, -ива*, причем в соответствии с гласным *ы* в суффиксе *-ыва* произносится редуцированный гласный среднего ряда среднего подъема.

В заударном сочетании *айэ* на стыке морфем в формах второго и третьего лица единственного и первого лица множественного числа настоящего — будущего простого времени после утраты интервокального *j* и ассимиляции гласных наблюдается стяжение гласных в звук *a*, на месте которого вследствие качественной редукции произносится редуцированный гласный среднего ряда среднего подъема. Примеры: Второе лицо единственного числа: *запáхъвѣш, падúмъш, свáливъш* и под.; третье лицо единственного числа: *заклáдъвѣт, скáшъвѣт, пабáливѣт* и под., *замúчивъцѣт, замáхъвѣцѣт* и под.

Редуцированный звук, возникающий в результате качественной редукции гласного *a* в сочетании *айэ*, испытывавшем стяжение гласных, произносится в форме третьего лица единственного числа с некоторой лабиализацией, что справедливо заметил еще Н. Н. Дурново²⁴, который определял этот звук как *э*, склонное к *o* закрытому²⁵.

Первое лицо множественного числа: *зб'эгъм, абрабáтъвѣм* и под.

Во время обследования говора Н. Н. Дурново²⁶ стяженные формы первого лица множественного числа не были употребительны.

Значительно реже наблюдается стяжение гласных в ударном сочетании *айэ*: *знаш, прѣзпускáт, вымир'áт* и под. 50 с лишним лет назад стяжение в личных формах глаголов было возможно «только не под ударением»²⁷.

Интересной фонетико-морфологической особенностью изучаемого говора является стяжение гласных в звук *y* в заударном сочетании *айу* в формах первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа настоящего — будущего простого времени как следствие утраты интервокального йота и ассимиляции гласных. Особенно ши-

роко это явление наблюдается в глаголах с суффиксами *-ыва, -ива*. Примеры: Первое лицо единственного числа: *саскákъву, накáзъву, дúму* (=думаю) и под. Третье лицо множественного числа: *д'э́лут, клán'уццъ, свáливут* и под.

Н. Н. Дурново указывал, что гласный *у*, явившийся результатом ассимиляции и стяжения гласных в третьем лице множественного числа похож на «сокращение дифтонга *уо*»²⁸. Ассимиляция *ъ*, возникшего из *а*, гласному *у* тем сильнее, справедливо отмечал Н. Н. Дурново²⁹, чем ударение дальше от конца слова.

Стяжение в сочетании *айу* в личных формах настоящего — будущего простого времени известно, по свидетельству исследователей³⁰, среднерусским и частично севернорусским говорам.

Стяжение гласных в заударных сочетаниях *айу, айэ* наблюдается, как и прежде, также в глаголах с суффиксом *ова*, который сохраняется и в основе настоящего времени. Стяжение гласных в заударном сочетании *айу* отмечено в формах первого лица единственного и третьего лица множественного числа настоящего — будущего простого времени, а стяжение гласных в заударном сочетании *айэ* — в формах второго и третьего лица единственного и первого лица множественного числа. Примеры: *пóл'зъвус, абарúдъву, абрáдъву* и под., *анул'ръвут, прáзнъвут, кул'тив'ёрвут* и под., *заприхóдъвѣш, испóл'зъвѣм* и под.

В первом лице множественного числа настоящего — будущего простого времени, наряду со стяженными формами типа: *испóл'зъвѣм* и под., возникшими фонетически в результате утраты йота, ассимиляции и стяжения гласных в сочетании *айэ* (*айэ > аэ > аа > а*), в говоре встречаются формы, оканчивающиеся на *ум*: *испóл'зъвум*, возникшие по аналогии с формами первого лица единственного числа на *у* и третьего лица множественного числа на *ут*. Примеры: *кул'тив'ёрвум, прáзнъвум* и под.

В сочетаниях *уйэ, ойэ, ойу, эйэ* интервокальный йот, находясь после ударного гласного, имеет ослабленную артикуляцию; в результате этого на месте согласного *ј* произносится гласный — неслоговое *и*, который часто утрачивается в этих сочетаниях; стяжения гласных не отмечено. Примеры: *съртиру'йиш, мб'йут, таргу'ит* и под.

Указание на распространение стяженных форм на территории бывшей Ново-Петровской волости (до недавнего вре-

мени деревня Парфенки входила в состав Ново-Петровского района) находим у В. Н. Сидорова³¹.

Стяжение гласных в результате утраты интервокального *j* в формах настоящего — будущего простого времени глаголов широко распространено в говорах Московской области. Так, например, по данным архивных материалов Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, в Волоколамском районе зафиксированы формы типа: *знаш*, наряду с формами *зна́им*, *д'э́лзйут* (дер. Ефимьево), *вв'орты-вуццэ*, *прив'азывуццэ* (дер. Щекино); в Звенигородском районе, наряду с нестяженными формами, — формы: *аплачивут*, *падумаш*, *рзрзбáтываццэ* (дер. Маслово). Данные о наличии стяжения в заударных сочетаниях *ае*, *аю* в современных волоколамских говорах содержатся также в диссертации В. В. Иванова³². В. В. Иванов приводит, например, следующие формы со стяжением гласных в заударном сочетании *айу*: *прайгrywут* (дер. Матренино), *прив'азывут*, *пиригл'áдывут*, *ашáривут* (дер. Кашино), *атстрáивут*, *выпýсы-вут*, *пока́зывают* (дер. Нелидово). Сочетание *ае*, по свидетельству В. В. Иванова³³, сохраняется без изменения во всех обследованных говорах, если ударение падает на звук *а*.

Стяжение гласных, по данным архивных материалов Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, отмечено также в Загорском и Константиновском районах Московской области. Довольно широко распространено это явление, по свидетельству А. В. Текучева³⁴, в той части Лотошинского района Московской области, которая прежде относилась к Тверской губернии. А. В. Текучевым зафиксированы формы: *д'э́лаца*, *прив'азывут*, *пока́зывают*, *прики́дывут* (дер. Микулино-Городище); *прапуска́ца*, *д'э́лут*, *рж́ив'ут* (дер. Корневское); *вымитáт*, *прив'азываца* (дер. Калицыно).

Наряду со стяженными формами, в нашем говоре широко употребительны (особенно в речи молодого поколения, но не только) нестяженные формы. Примеры: *рззпуска́йим*, *гул'áим*, *зна́иш*, *причитáит* и под.

Глагол *хотеть* принадлежит в говоре к первому спряжению и имеет следующие личные формы настоящего времени: *хачу́*, *хóчит*, *хóчим*, *хóчит'ь*, *хóч'ут*. Второе лицо единственного числа имеет форму *хошь*, происхождение которой неясно. Объяснение А. И. Соблевского, что эта форма возникла из формы повелительного наклонения *хочи* (*хочи* >

хочь) под влиянием формы *хочешь* едва ли убедительно³⁵. Форма *хошь* в разговорной московской речи возникла, по видимому, к середине 17 века. По данным П. Я. Черных³⁶ эта форма встречается в одной из отписок боярина Б. И. Морозова (№ 470), а также в Книге о ратном строе. Из подмосковных говоров форма *хошь* отмечена, например, в говорах б. Московского уезда³⁷.

Формы прошедшего времени в говоре не отличаются от соответствующих форм литературного языка.

Отметим лишь диалектные формы *б'ок*, *пab'ок*, *приб'ок* (с переходом ударяемого *e* из *ятя* в *o*), *бигла*, *пзбигла*, *приб'агла*, *пзббигла*, *зббигла*, *бигли*, *убигли*, *пзббигли* и т. п. при инфинитиве *бежать*. Старая форма инфинитива *бечь* в говоре уже не зафиксирована.

Формы прошедшего времени глагола *итти*: *ишбл* *ишла*, *ишли*³⁸ возникли, по-видимому, под влиянием личных форм настоящего времени. Ср.: *иду*, *ид'бш*, *ид'бт* и т. д.

Формы будущего времени тождественны соответствующим формам литературного языка.

При образовании форм будущего времени сложных глаголов несовершенного вида в говоре, наряду со вспомогательным глаголом *быть*, употребляется глагол *стать*. Например: *стану гр'ады капат'*; *стану учйццъ* и под.

Изучаемый говор характеризуется употреблением твердого аффикса *сз* (*са*) или редуцированного его варианта *С*. Эта особенность была присуща говору и в конце XIX века³⁹.

Н. Н. Дурново отмечал, что формы с мягким *с* встречались изредка лишь в песенном языке, где они, несомненно, являлись заимствованными из других говоров⁴⁰. Возвратная частица *са*, как справедливо отмечает С. П. Обнорский, восходит к форме *ся*. «Отверждение *-ся* обязано было положению *-ся* после *т* и *л* в формах третьего лица единственного числа настоящего времени и в прошедшем времени (мужской род)»⁴¹.

Частица *сз* в возвратных глаголах наблюдается после твердых согласных. Примеры: *вз'алсз*, *лажымсз*, *ашыпсз* и под.

В форме второго лица единственного числа настоящего — будущего простого времени возвратных глаголов на стыке морфем в результате регрессивной ассимиляции образуется двойной твердый согласный *с*. Примеры: *р'в'бссз*, *дажд'бссз*, *разрыдаиссз* и под.

В формах третьего лица единственного и множественного числа настоящего — будущего простого времени, а также в инфинитиве с суффиксом *ть* на стыке морфем конечный согласный глагола *т* сливается с согласным *с* частицы и возникает долгая твердая зубная аффриката *ц*. Примеры: *ка́жыццэ, сьб́раі́уццэ, ми́рыццэ* и под.

Редуцированный вариант возвратной частицы *с* наблюдается в положении после гласного звука, а именно в формах первого лица единственного и второго лица множественного числа настоящего — будущего простого времени, в формах второго лица единственного и множественного числа повелительного наклонения, а также в формах единственного числа женского и среднего рода и в форме множественного числа прошедшего времени. Примеры: *призна́йу́с, учи́тьс, личи́с, л'убу́йтис, п'эдн'алас, пришлос* и под.

В положении после гласного звука употребителен и вариант *сэ* независимо от положения глагола во фразе. Примеры: *с'тис'н'а́йус, рэздурі́ласэ* и под.

Употребление аффикса *сэ* в положении после гласных характеризовало изучаемый говор, по свидетельству Н. Н. Дурново⁴², и в конце XIX века. Формы на *са*, *с* являются, по данным, приводимым С. П. Обнорским⁴³, характерными для Владимирско-Поволжской группы севернорусских говоров, а также для говоров среднерусских, в особенности подмосковных.

В окружающих Парфенки деревнях (из числа обследованных нами) твердый аффикс *сэ* (*са*), *с* отмечен всюду, за исключением, как и в прошлом, деревень Савельево (3,5 км на юго-восток от Парфенок), Мазилово (4 км на северо-восток), Сальково (5 км на север)⁴⁴. В упомянутых деревнях мягкое произношение возвратной частицы наблюдается и сейчас. Примеры: *зл'ус', памы́лис', вир'т'элс'э, вóзис'с'э* и под. Интересно отметить, что других особенностей (фонетических или морфологических), отличающих говор деревни Парфенки от говора деревень Савельево, Мазилово и Сальково, зафиксировать не удалось.

Формы повелительного наклонения образуются в говоре, в основном, так же, как и в современном литературном языке.

Ударяемый суффикс *и* (*ы* — после шипящих *ж, ш*) наблюдается в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения глаголов, у которых в первом лице

единственного числа настоящего времени ударение падает на окончание после согласного основы (за исключением согласного *j* в глаголах на *ить*). Примеры: *стѣригѣи*, *пѣкажѣи* и под *зѣтушѣи* и под.

Неударяемый суффикс *и* в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения, как и в литературном языке, имеют глаголы с ударением на основе, причем основа настоящего времени оканчивается сочетанием согласных: *кѣн'чи*, *атвѣкни*, *прѣгни*; а также глаголы с ударяемой приставкой *вы* (глаголы, от которых образованы производные глаголы с префиксом *вы* имеют в повелительном наклонении окончательное ударение): *вѣкупи*, *вѣниси*, *вѣбиги*, *вѣгѣни*.

В глаголах, у которых форма первого лица единственного числа настоящего времени оканчивается на неударяемое *у* после согласного, второе лицо единственного числа повелительного наклонения не имеет суффикса и равно основе настоящего времени на согласный (за исключением конечных *ф*, *ш*). Например: *извѣл'*, *п'ѣристан'*, *пашѣр'*, *брос'*, *фстан'*, *двин' астаф*, *рѣш* и т. п.

В изучаемом говоре отмечено более широкое, чем в литературном языке, распространение форм второго лица единственного числа повелительного наклонения, представляющих собой чистую основу настоящего времени за счет форм с аффиксом *и*. Примеры: *атвѣр'*, *пакѣш*, *палѣш*, *пасѣт'*, *пѣт'*, *выт'*, *станѣф*, *пачѣс'т'*. Эти формы были известны нашему говору и в прошлом ⁴⁵.

Формы второго лица единственного числа повелительного наклонения, равные основе настоящего времени (в соответствии с литературными образованиями на *и*), широко распространены, по свидетельству С. П. Обнорского ⁴⁶, в русских народных говорах как южнорусской и среднерусской, так и севернорусской полосы (за исключением говоров Крайнего Севера и Вологодско-Вятской группы). Особенно характерны эти формы для подмосковных говоров. Указание на то, что упомянутые формы повелительного наклонения характеризуют в большей мере южное наречие и среднерусские говоры, находим и в «Русской диалектологии», под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой ⁴⁷.

С. П. Обнорский, по-видимому, справедливо считает, что в образовании этих форм играл роль характер ударения в глаголах. «Можно думать, — пишет С. П. Обнорский ⁴⁸, —

что новообразования повелительной формы выросли в условиях воздействия форм настоящего времени... Но именно глаголы подвижного по ударяемости типа давали формы настоящего времени с ударением окончательным в первом лице единственного числа, но с ударением на основе — в прочих формах. Ср.: *положѹ*, но *полѡжишь*, *идѹ*, *пойдѹ*, но старшие формы *идеешь*, *пойдешь* и под. Отсюда тип *полѡжишь*, *станѡвишь*, *хѡдишь*, *хорѡнишь* привел к новым по ударению формам повелительного наклонения *полѡжи* вместо старшей формы *полѡжи*, *станѡви*, *хѡди*, *хорѡни*, формам, приведшим к нормальным для языка вариантам *полѡжь*, *станѡвь* и т. д. Точку зрения С. П. Обнорского на происхождение форм типа: *положь*, *становь* разделяет А. И. Сологуб⁴⁹. Однако не все глаголы, образующие форму второго лица единственного числа повелительного наклонения с нулевой флексией, — замечает С. П. Обнорский, — «подчиняются предложенному объяснению»⁵⁰. Появление нулевой флексии в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения глаголов с исконным ударением на личных окончаниях, т. е. с «неподвижной ударяемостью» на окончании, по-видимому, связано с особой побудительной интонацией, характерной для повелительного наклонения. «Глагол в повелительном наклонении, — указывает С. П. Обнорский, — вообще в произношении выделяется интонационно как форма эмоциональной речи. В некоторых глаголах, по их содержанию, момент эмоциональности особенно сильно выделяется в речи. В этих же условиях обычно слово подвергается редукции в произношении отдельных его элементов, перетяжке ударения и под. На этой почве, естественно, могли самостоятельно сложиться новообразования интересующего нас типа от отдельных глаголов»⁵¹. Именно такого происхождения, по мнению С. П. Обнорского⁵², форма *подь* и некоторые другие.

Вслед за С. П. Обнорским и Л. А. Булаховским⁵³ влиянием особой побудительной интонации и быстрого темпа речи в повелительном наклонении объясняет А. И. Сологуб⁵⁴ сокращение флексии *и* в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения до степени нуля и возникновение форм типа *подь*. Формы *подь*, *положь* распространены, по сведениям С. П. Обнорского⁵⁵, как на севере, так и на юге, а формы *пасодь*, *становь* принадлежат только акающим говорам.

Нулевое окончание во втором лице единственного числа повелительного наклонения наблюдается также в глаголах с основой настоящего времени на *j* после гласного и с основой прошедшего времени на гласный *a* (в том числе на *ова*, *ева*), *и*, *ы*. Примеры: *нѣдиба́й*, *сыма́й*, *хлиба́й*, *рѣзузна́й*, *напо́й*, *мой*, *рой* и под.

Форма второго лица единственного числа повелительно-го наклонения оканчивается на *j*, как и в литературном языке, в глаголах непродуктивной группы с *j* после согласного в формах настоящего времени, причем в повелительном наклонении перед *j* появляется гласный *э*: *б'э́й*, *п'э́й*, *шэ́й*.

В повелительном наклонении глаголов, имеющих в личных формах настоящего времени чередование задненебных согласных с шипящими: *г-ж*, *к-ч*, задненебные сохраняются, подвергаясь по общей закономерности смягчению. Примеры: *биги́*, *пикі́*, *с'т'ьриги́*. Наряду с формой второго лица единственного числа *л'ак* — *ляг* (инфинитив *лечь*), в говоре зафиксирована форма *л'аш*, которая, несомненно, возникла под влиянием форм настоящего времени, имеющих в основе шипящий согласный. Форма *ляжь* встречается в говорах, по наблюдениям А. И. Сологуб⁵⁶, повсеместно.

От глагола *трогать* параллельно с формой повелительного наклонения *трок* (второе лицо единственного числа) на задненебный согласный, как и 50 с лишним лет назад⁵⁷, употребляется форма на шипящий: *трош*. «При *ни трок*, *ни трош*, — писал Н. Н. Дурново, — мне кажется, следует предполагать несохранившуюся форму настоящего времени *трогу*, *трожешь* при *inf трочи* или *трочь* как *лягу* при *inf лечь*, *могу* — *мочь*. Тогда *ни трок* из *не троги*, а последнее вместо *не трози*»⁵⁸. Гипотеза Н. Н. Дурново о том, что формы *трог*, *трожь* образовались от утраченного глагола *трочи* (или *трочь*), так же, как *ляг*, *ляжь* от *лечь*, разделяемая А. И. Сологуб⁵⁹, не лишена оснований.

Во втором лице множественного числа к формам единственного числа присоединяются, как и в литературном языке, суффиксы *т'ь*. Примеры: *кричи́т'ь*, *сма́три́т'ь*, *биги́т'ь*.

Неопределенная форма глагола образуется, как и в литературном языке, при помощи суффиксов *т'* (в положении после гласного при ударении на основе), *ч'* (в глаголах с ос-

новой настоящего времени на заднеязычный *к*, *г*). Примеры: *им'эт'*, *grim'эт'*, *п'эч'* и под.

В песенном языке до настоящего времени⁶⁰ встречается архаическая форма инфинитива с суффиксом *ти* при ударении на основе глагола. Примеры: *ми'эли фс'о потраушк'ь нихажывати*; *задумалъ дун'ъ рубашку скрайти* и под.

«Среднерусскому наречию, тем более акающей полосе, — замечает С. П. Обнорский, — эти формы чужды в полной мере как живая черта языка»⁶¹.

Изучаемому говору известны инфинитивы на *с'т'* (в соответствии с инфинитивом на *сти* литературного языка). Таковы глаголы: *бресть*, *везть*, *весть*, *гресть*, *месть*, *несть*, *плесть*, *рость*, *трясть*, *цвесть*, *приобресть* и производные от них с приставками. Эти глаголы образуют в литературном языке формы инфинитива с помощью ударяемого суффикса *ТИ*.

В речи старшего поколения отмечено разрушение конечного сочетания *с'т' > с'*, поэтому инфинитив упомянутых глаголов оканчивается на мягкий *с'*. Примеры: *пас'* (=пасты), *цв'эс'*, *прив'эс'*, *рос'* (=расти), *в'эс'*, *дав'эс'*, *абн'эс'*, *н'эс'* и под.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова эти глаголы представлены с ударяемым суффиксом *ТИ*. Лишь для глагола *вести* отмечен вариант *весть* с пометой «просторечн.» и для глагола *обрести* — устаревший вариант *обресть*. В «Словаре современного русского литературного языка в 17 томах» (изд. АН СССР, 1948—1965), а также в «Словаре русского языка» в 4 томах (госуд. изд. иностранных и национальных словарей; М., 1957—1961) упомянутые глаголы зафиксированы только с суффиксом *ТИ*. И лишь в словарной статье *цвести* в примерах, иллюстрирующих употребление этого глагола, приводится вариант *цвесть* (том 17, М.—Л.; 1963, стр. 561—563). Утверждение суффикса *ТИ* в инфинитиве — явление сравнительно позднее в литературном языке. Еще в первой половине 19 века формы инфинитива на *ть* были распространены шире и оттенка просторечия не имели⁶². С. П. Обнорский⁶³ отмечает, что упомянутые формы на *ТЬ*, являясь типичной особенностью среднерусского наречия и, главным образом, подмосковных говоров, были нормой старого литературного языка. В современном литературном языке они отсутствуют.

В речи молодежи конечное сочетание *с'т'* в инфинитиве обычно сохраняется.

Причины, вызвавшие появление инфинитива на *Т'* в глаголах на *сти* с исконным ударением на суффиксе (типа *нести*) не вполне ясны. Однако можно думать, что эти формы возникли по аналогии с инфинитивом глаголов на *сти* типа *класть, красть* (с ударением на основе в неопределенной форме). Высказывая это предположение, С. П. Обнорский⁶⁴ приводит любопытную параллель с сербским языком. В сербском языке в глаголах типа *класть* наблюдается исконно восходящая интонация на корневом гласном: *кля́сти* — *кля́дем*; в глаголах же типа *нести* — интонация коренного гласного нисходящая и исконно ударяемой является флексия: *не́сти* — *не́сем*.

Формы типа *нести* были широко употребительны в нашем говоре прежде⁶⁵.

Глаголы на *с'т'* распространены, по данным «Русской диалектологии» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой⁶⁶, в говорах западной зоны и южного наречия.

В соответствии с литературной формой инфинитива *итти* в изучаемом говоре употребляются формы: *ит'тít'*, *ит'ít'*, а также производные от них: *уйт'ít'*, *п'ьрийт'ít'*, *дайт'ít'*, *зайт'ít'*, *пэдайт'ít'*, *пайт'ít'*, *взайт'ít'*, *абайт'ít'*, *найт'ít'*, *вб'йт'ит'*. Форма *ит'тít'* (с двойным мягким *т*) распространена в говоре более широко по сравнению с формой *ит'ít'*. Н. Н. Дурново⁶⁷ отмечал, наряду с формой *ит'ít'*, *итт'ít'* формы: *ид'ít'*, *най'д'ít'*, указывая, однако, что эти формы редки в говоре. Нами не зафиксировано ни одного случая употребления в говоре деревни Парфенки или окружающих деревень форм *ид'ít'*, *най'д'ít'*. Эти формы с течением времени вышли из употребления.

Формы *ит'ít'*, *итт'ít'*, а также производные от них являются, по свидетельству П. Я. Черных⁶⁸, принадлежностью южнорусских говоров, в то время как форма *итти* распространена в большинстве севернорусских говоров, особенно в говорах северо-востока Европы. П. Я. Черных, приводя обширный фактический материал, пишет: «Можно считать *итить* обычной формой в южнорусских говорах, за исключением западной их группы, говоров, примыкающих к этнографическим и лингвистическим границам Белоруссии»⁶⁹. С. П. Обнорский⁷⁰ отмечает, что эти формы встречаются и на севернорусской территории.

П. Я. Черных считает⁷¹, что форма *итить* сложилась на основе формы *идить* вследствие межслоговой ассимиляции согласных. Появление же формы *идить* вызвано, в свою очередь, по мнению П. Я. Черных, морфологической ассимиляцией основы первоначальной формы инфинитива *ити* с основой настоящего времени, так же, как и формы *идти*. Форма *итить*, возникшая из *идить* в результате межслоговой регрессивной ассимиляции согласных *д т*, была осмыслена «как форма с двойным суффиксом инфинитива. Отсюда далее новособразование: *идтить*; *иттить*»⁷². Предположение, что форма инфинитива *идтить* возникла путем осложнения суффиксом *ть* глагола в инфинитивной же форме в суффиксе *-ти*: *идти* + *ть*, высказывает и С. П. Обнорский⁷³.

Для образования видов глаголов в говоре используются те же способы, что и в литературном языке. Не ставя перед собой задачи сколько-нибудь подробно описать эти способы, отметим лишь следующие особенности, отличающие говор от литературного языка.

1. Несколько шире, чем в литературном языке, употребляются в говоре глаголы несовершенного вида многократного подвида (с суффиксами *-ыва*, *-ива*). Эти глаголы образуются, как правило, от бесприставочных основ, однако возможны и образования от основ с приставками. Суффиксы *-ыва*, *-ива* придают глаголу значение многократности, «раздельной» (по выражению Ф. Ф. Фортунатова) повторяемости действия⁷⁴. Все глаголы со значением многократности употребляются, как и в литературном языке, исключительно в форме прошедшего времени. Примеры: *слыхъвълъ*, *гавáривълъ*, *сѣживълъ*, *агрáбливъзли* и под.

Употребляясь с отрицанием *не*, глагол несовершенного вида с многократным значением, выражает категорическое отрицание действия. Например: *ѡа абѣтъм нислѣхивълъ* и под.

Глаголы несовершенного вида многократного подвида наблюдал в изучаемом говоре в конце 19 века Н. Н. Дурново⁷⁵, стмечая, что они были употребительны преимущественно в песнях.

Несколько шире, чем в литературном языке, как и в прошлом, употребляется в говоре ударяемый суффикс *а* для образования глаголов несовершенного вида. Примеры: *накладáт'*, *скидáт'*, *хъладáт'*, *купл'áт'* *пѣццáбл'áт'* и под. Все

эти формы, за исключением формы *зэклийáт'*, были отмечены в говоре еще Н. Н. Дурново⁷⁶. Кроме упомянутых форм, в конце 19 века в изучаемом говоре наблюдались глаголы несовершенного вида с суффиксом *а*: *смаг'ра́т'*, *скуш-н'áт'*, *спраши́ат'*. В настоящее время вместо этих диалектных форм употребляются литературные формы несовершенного вида: *смотреть*, *скупать*, *спрашивать*.

Шире, чем в литературном языке, распространены бесприставочные глаголы совершенного вида, образованные посредством суффикса *ну* от глаголов несовершенного вида с суффиксом *а* (или реже с суффиксом *и*) и обозначающие однократное, мгновенное действие. Примеры: *ступnúт'*, *гул'нўли*, *пырнўли*, *с'тэганўли*, *вўстрил'нулъ*, *мэрганўлъ*, *скэзанўл*, *гланўл* и под.

Глаголы совершенного вида, образованные при помощи суффикса *-ну*, обозначающие однократное, мгновенное действие, были распространены, по свидетельству Н. Н. Дурново, в изучаемом говоре и в прошлом⁷⁷.

Укажем, кроме отмеченных выше, следующие случаи диалектного видообразования:

1) От приставочного глагола совершенного вида *захворать* посредством суффикса *-ыва* образуется глагол несовершенного вида *захвáрывать*.

2) В говоре употребляется глагол несовершенного вида *вплетывать*, образованный от глагола несовершенного вида *вплетать* посредством суффикса *-ыва*.

3) В говоре отмечены глаголы совершенного вида *сбаловать*, *созорновать*, образованные от глаголов несовершенного вида *баловать*, *озорновать* при помощи приставок.

4) В говоре отмечены глаголы совершенного вида *заиметь*, *простеречь*, *износить*, *перетаскать*, образованные от глаголов несовершенного вида с помощью приставок.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Система глагола изучаемого говора в современном его состоянии сохраняет, в основном, те же особенности, какими она характеризовалась, по данным Н. Н. Дурново, в конце 19 — начале 20 веков, что подтверждает наблюдения исследователей об относительной устойчивости грамматических диалектных особенностей⁷⁸.

2. Сопоставление наших данных с данными Н. Н. Дурново позволяет на конкретных фактах проследить измене-

ния, которые произошли в системе глагола в изучаемом говоре за 50 с лишним лет.

За 50 с лишним лет в системе глагола произошли, прежде всего, изменения, вызванные воздействием на говор литературного языка. Несмотря на то, что диалектные явления в области глагола характеризуются заметной устойчивостью, ни одна диалектная особенность уже не прослеживается в настоящее время последовательно: в речи одного и того же информатора обычно диалектные явления сосуществуют (причем длительное время) с соответствующими явлениями литературного языка. Некоторые явления характерны только для речи старшего поколения.

3. Наряду с изменениями, имеющими своим источником воздействие на говор литературного языка, в говоре произошли также изменения, обусловленные внутренними закономерностями системы говора, носящие спонтанный характер. Некоторые из этих изменений имеют, по-видимому, общерусский характер.

Примечания

¹ См. нашу статью «Фонетическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области» («Ученые записки» Вологодского ПИ, том 22; Вологда, 1958); «Морфологическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области» (Там же).

² Грамматика русского языка, т. I, изд. АН СССР; 1952, стр. 555.

³ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 13.

⁴ Там же.

⁵ Изд. «Наука», М., 1964, стр. 142.

⁶ В четырехтомном «Словаре русского языка» (гос. изд-во иностранных и национальных словарей; М., 1957—1961, т. II, М., 1958, стр. 431), кроме глагола мучить, зафиксирован глагол мучать с пометой «просторечн». (соотношение основ прошедшего и настоящего времени А — АИ. Указание на просторечный характер глагола мучать (личные формы: мучаю, мучаешь и под.) находим также в «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР, т. I, М., 1952, стр. 548). В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка»; М.—Л., 1948—1965, т. 6, М., 1957, стр. 1400) глагол мучать приводится без помет.

⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т.т. 1—17, изд. АН СССР, М.—Л., 1948—1965, т. 3, 1954, стр. 1260; Словарь русского языка, т. I—IV; М., 1957—1961, т. I, стр. 633.

⁸ Глагол полегчить с пометами «устаревш.» и «обл.» зафиксирован «Словарем современного русского литературного языка» (т. 10, М., 1960, стр. 963), параллельно с глаголом полегчать, имеющим помету «просторечн». В «Словаре русского языка» в 4 томах зафиксирован только

глагол полегчать (соотношение основ прошедшего и настоящего времени А—АЙ.) с пометой «просторечн» (т. III, М., 1954, стр. 353).

⁹ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда, Московской губернии; Варшава, 1903, стр. 167.

¹⁰ Там же, стр. 168.

¹¹ Там же, стр. 169.

¹² Там же, стр. 162.

¹³ Там же, стр. 167.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 168.

¹⁶ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I, 1949.

¹⁷ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 168.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 167.

²⁰ Т. С. Коготкова. Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1953, стр. 10.

²¹ Там же, стр. 7.

²² Там же, стр. 8.

²³ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 162.

²⁴ Там же, стр. 53.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 162.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 53.

²⁹ Там же, стр. 37.

³⁰ Т. С. Коготкова. Указ. соч., стр. 15; И. А. Кудрявцева. Некоторые особенности глагольной системы говора Завидовского района Калининской области («Ученые записки» МГПИ им. В. П. Потемкина, том I, кафедра русского языка, вып. 5, М., 1956, стр. 224, 226); И. Д. Самойлова. Система глагольных форм в говоре Городецкого района Горьковской области («Материалы и исследования по русской диалектологии», МПИ им. В. И. Ленина, М., 1959, стр. 152—154).

³¹ В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского уезда Московской губернии («Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, Л., 1927, стр. 124).

³² В. В. Иванов. Из истории говоров северо-западного Подмосковья. Волоколамские говоры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1953; стр. 580.

³³ Там же.

³⁴ А. В. Текучев. Изучение говоров западных районов Московской области («Ученые записки» МОПИ, «Труды кафедры русского языка», вып. I, том XII, М., 1947, стр. 87).

³⁵ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. IV, М., 1907, стр. 165.

³⁶ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Изд. АН СССР, 1953, стр. 99.

³⁷ В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Сборник Изв. ОРЯС, АН, том 68, № 3, СПб, 1900, стр. 28, 63, 82.

³⁸ Сведения о территориальном распространении формы «ишол» со-

держатся в монографии С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола», АН СССР, М., 1958, стр. 152.

³⁹ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 185.

⁴⁰ Там же, стр. 184—185.

⁴¹ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 82.

⁴² Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 185.

⁴³ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 82—84.

⁴⁴ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 72, 185.

⁴⁵ Там же, стр. 50, 164.

⁴⁶ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 164—167.

⁴⁷ Изд. «Наука», М., 1964, стр. 168.

⁴⁸ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 168.

⁴⁹ А. И. Сологуб. Формы повелительного наклонения в русских народных говорах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1953, стр. 5.

⁵⁰ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 169.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, изд. 3, Киев, 1950, стр. 195.

⁵⁴ А. И. Сологуб. Указ. соч., стр. 8.

⁵⁵ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 157.

⁵⁶ А. И. Сологуб. Указ. соч., стр. 9.

⁵⁷ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 164—165.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ А. И. Сологуб. Указ. соч., стр. 9.

⁶⁰ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 170.

⁶¹ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 170.

⁶² Грамматика русского языка, часть I, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 411.

⁶³ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 181—182.

⁶⁴ Там же, стр. 182.

⁶⁵ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 50.

⁶⁶ Изд. «Наука», М., 1964, стр. 148.

⁶⁷ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 170.

⁶⁸ П. Я. Черных. О формах итти: ийти, итить, идить. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. VII, 1948, стр. 50—52.

⁶⁹ Там же, стр. 51.

⁷⁰ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 188.

⁷¹ П. Я. Черных. О формах итти..., стр. 54.

⁷² Там же.

⁷³ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 188.

⁷⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 503.

⁷⁵ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 175.

⁷⁶ Там же, стр. 176, 177, 179, 180.

⁷⁷ Там же, стр. 182.

⁷⁸ См., например: Л. И. Баранникова. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций. Тезисы докладов на Советании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. М., 1960, стр. 27.